

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

ЭТОТ ДРЕВНИЙ И НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ГОРОД ГЮМРИ

Нас всегда тянет к месту нашего рождения, и не только потому, что мы чужды новых веяний, новых стремлений, просто родина всегда тянет, а человеку уже в возрасте она приходит и во сне, — ты ходишь по местности, а тебе кажется, что этот путь тебе знакомый и это твой город, который вместе с тобой живет в твоём сердце даже в отдалённом уголке Вселенной. Такое даже всегда находится в глубине сердца, и любой изгиб судьбы тут же напоминает тебе о минувшем, пройденном, родном и незабываемом...

В этот раз я долго оставался в Гюмри, так долго (смешно говорить об этом), что меня оштрафовали на таможене на довольно крупную сумму. Я приехал в Гюмри с целью завершить работу над книгой своих переводов «Поэзия земли Ширак», но, даже сделав 500 переводов, я понял, что несерьёзно так представлять свой родной город, где жили и живут до сих пор лучшие поэты Армении.

Я приехал в Гюмри в конце марта, когда народ готовился отметить 100-летие геноцида армян в Османской империи, и все газеты пестрели материалами на эту тему. Но об одной интересной встрече хочу вам рассказать. В Гюмри приехала известная общественная деятельница, поэтесса, переводчица армянской поэзии, литовка по происхождению Марита Контракайтис, которая в трудные дни землетрясения в Армении помогла устроить 1200 пострадавшим людям из зоны бедствия в Паланге, открыла там армянскую школу, а во время противостояния в Арцахе собрала и привезла в Карабах вместе с мужем армянскими медиками, тонны собранной крови. Именно под её авторитетным влиянием Литва, первая из прибалтийских стран, на государственном уровне приняла акт геноцида армян в Османской империи. Ей была присуждена годовая премия Гюмри «Человек года». Был на вечере, посвящённом этой замечательной женщине, подарил ей свои книги, в том числе двуязычную книгу Самвела Маргаряна «Священное нагорье» (переводы мои), и она обещала перевести на литовский произведения, относящиеся к геноциду.

Меня весьма опечалило её состояние, она была больна, но все равно на десять дней осталась в Гюмри, чтобы вместе с армянами участвовать в мероприятии, посвящённом геноциду. В личной беседе со мной она сказала: «Араик, я себя чувствую так плохо, что думаю: долечу ли до Литвы? Но обязательно должна 24 апреля быть с моими армянами». Один из моих гюмрийских друзей, Сасун Тоненц, тут же вылетел к знакомым в Ереван, чтобы найти нужную сумму в 50 тыс. долларов для отправки Мариты в Израиль на лечение. Я не знаю, сумел ли он собрать эту сумму, но в любом случае в городе, где народ живет крайне бедно, остался еще дух гуманизма, всегдашнее благородство гюмрийца — отплатить за человечность человечностью.

Посетил я и могилу невинно убиенной семьи Аветисянов. Там, на могиле, лежали сотни еще свежих цветов: трагедия, случившаяся в Гюмри, шокировала не только сограждан, но и всю Армению, всех благородных людей мира. Долго я стоял над могилой бедного шестимесячного малыша Сережи Аветисяна, и слезы независимо от меня застилали взор. Я стоял со знакомым поэтом из Лениакана Ара Аряном и вдруг услышал русскую речь, повернулся — это была группа из Самары, простые русские люди решили поклониться праху Аветисянов. Они познакомились с нами, и я им подарил стихотворение, посвященное маленькому Сереже, а они пригласили нас вечером в гостиницу «Берлин», где мы провели незабываемый вечер. Вечер дружбы и понимания друг друга.

Много было мероприятий в Гюмри накануне даты 100-летия геноцида армян в Османской империи: в школах, в институтах. Я был на многих из них, но самое интересное было проведено в местности, называемой по страшной памяти тех времен «Джарди дзор» (Ущелье избития), недалеко от Джаджура (место рождения великого армянского художника Минаса Аветисяна). Это то место, куда турки-аскеры из армии Карабакираши в 18–20-х годах прошлого столетия свозили связанных армян и бросали с высокой горы в ущелье. Здесь, в День памяти, 24 апреля собрались почти все горожане, не участвующие в мероприятиях Цицернакаберда. День был пасмурный, подставить событию, но здесь собралось очень много людей, в том числе губернатор Ширакской области Феликс Цолакян, мэр города и многие видные деятели.

Очень много гулял я по городу, в основном по центру, который стал еще краше и традиционнее. Особенно приятно ходить по площади вечером, когда загораются тысячи электрических лампочек и свечей, установленных на зданиях и церквях. На восстанавливаемой церкви Сурб Аствацацин еще летом 2014 года был установлен крест. В этот день площадь была заполнена тысячами ликующих гюмрийцев. Приехал освятить крест и Католикос Армении. Церковь, построенная еще в середине 19 века и бывшая гордостью столицы Ширака, целиком развалилась во время землетрясения. Восстановительные работы взял на себя бывший мэр Гюмри Вардан Гукасян. В принципе она уже почти восстановлена, но реставрационные внутренние работы еще идут.

И вот что заметил я в своем городе: ходишь с пачкой сигарет в руках, но никто из незнакомых никогда у тебя не попросит сигарету, хотя многие и живут за чертой бедности. Это говорит о гордости и благородстве народа Гюмри, города, бывшего когда-то самым гостеприимным в Закавказье. Мало осталось в городе знакомых людей. Иногда создается впечатление, что город по мановению какого-то ска-

зочного злого волшебника опустел. Помню, до декабрьского землетрясения в городе жило не меньше 240 тысяч людей, но, видно, многие после развала Советского Союза оставили свой город и так и не вернулись обратно. Нельзя было представить, что народ Гюмри когда-то оставит свой город, но это случилось. Правда, есть и патриоты, которых никто не может заставить сделать это. Вот именно это и выражено в стихотворении Асмик Матевосян, поэтессы, и ныне живущей и работающей в своем городе:

В глазах уходящих ты превращаешься в ностальгию,

В сердцах остающихся — становишься болью.

Покинувшие тебя свою горку раскидывают

На дорогах горькой чужбины... Но ты остаешься воспоминанием

сладким и горьким... Ты есть в извилинах памяти

своих сыновей, Ты живешь своей прошлой славой

И своей опустошенной красотой...

*И когда бедствие * низвергло твой очаг об землю,*

Ты стал хромым и безруким, Ты превратился в лабиринт

Слепых и беспомощных руин, В полуразрушенное гнездо,

Из которого удалились стая за стаяй,

щепотка за щепоткой, С условием дальнейшего

невозвращения... Но ты выпрямляешь свою

сгорбившую спину, Ты опять зовешь...

Как я покину тебя, как удалюсь из своего детства,

Что змейкой струится в ущельях

Беззаботной и счастливой молодости?

Как удалюсь от праха дорогих

незабываемых предков, Мой город Гюмри...

(Пер. Ара Геворкяна)

Знаете, почему я привел это стихотворение целиком? Много я беседовал с населением Гюмри и пришел к весьма грустному и печальному выводу: почти 80% жителей мечтают о том дне, когда наступит благоприятный день ухода из города, где очень мало рабочих мест, где за тяжелую работу платят деньги, на которые невозможно жить и кормить семью. Если вы в утренние часы очутитесь в местах, откуда выезжают автобусы, вы будете разочарованы, потому что все уезжают в Россию: в Самару, Ростов-на-Дону, Краснодар, в Сибирь, в Якутск. Уезжают целыми семьями, уезжают и молодые и старые, уезжают порой с чувством освобождения, что, наконец, в российских глубинках найдут себе работу, пропитание, забывая о том, что родина остается опустошенной и безлюдной. Оставить родину, где самый чистый воздух на свете, где самая вкусная питьевая вода, где сам воздух насыщен талантом и божественной загадочностью, где летом уже в пять часов вечера ты вынужден одевать пиджак, где

человек никогда не чувствует жары и, прожив долгие годы в Гюмри, не знает, что есть на свете комары и тараканы.

Расскажу такой случай. В один из дней поехал я в банк «Анелик» получать пенсию, которую сын выслал из Ростова. Стою в очереди, а за мной стоит такой приятный паренек лет тридцати в спортивном костюме времен генсека Брежнева. Я достал зарубежный паспорт, чтоб предъявить, как документ, а он зачарованно смотрит на мой паспорт и говорит: «Да будет ли такое время, когда и у меня будет такой паспорт? — и блаженная мечтательная улыбка разлилась по его лицу. Рассердился я всерьез и говорю ему: «Это бумага чужой страны, зачем ты ей придаешь такое значение? Ты лучше мечтай о свободе Арцаха, думай об Армении своей. Здесь наша родина, о ней и мечтай. А то оставишь семью свою здесь, поедешь на целину, ради этой бумаги женишься, а на следующее утро будешь сам развешивать белье на улице».

Груб я в таких случаях, не люблю, когда люди так подвержены чужому, что забывают свое.

Хочот поднялся в банке. Это женщины, местные армянки, поддержали меня. Одна даже сказала мне: «Спасибо, брат, будь уверен, что многие так думают, как этот. И будут вешать белье, и семью свою забудут из-за бумажки». А паренек мне: «Это ты так шутишь потому, что у тебя есть этот паспорт, а я все равно добьюсь его».

Очень надеюсь, что настало время и правительству Армении подумать об остановке эмиграции, ибо пройдет еще некоторое время, спохватятся, а народ уже не вернешь, ведь люди уехали, как правильно пишет Асмик Матевосян, «с условием дальнейшего невозвращения»...

Встретился я в Гюмри и с представителями русской общины. Не только встретился, но и пригласил их на свой творческий вечер в Доме русской книги (информация об этом вечере есть в Интернете). Вечер прошел блестяще. Мои стихи читали дети из 19-й русской школы, как армяне, так и русские. Правда, представителей русской общины было как-то мало: не сравнить с теми вечерами, которые мы проводили с журналистом и хорошим моим другом Юрием Арутюняном до землетрясения. Заместитель консула объяснил это тем, что консульство занято дипломатическими делами. На что я ему ответил, что одним из великих русских дипломатов был Федор Тютчев, но он одновременно был великим поэтом. Это, конечно, вызвало улыбку, но, честно говоря, я думаю, что пора проводить в Гюмри совместные русско-армянские вечера с привлечением всех русскоязычных граждан, любящих культуру и литературу. С этим вопросом я обратился как к руководителю русской общины, так и к батюшке Русской православной церкви в Гюмри (Плплан жам), и они поддержали меня.

Большое мероприятие, посвященное Дню переводчика (Таргманчац тон), я провел в Гюмри в конце октября. Однако и на него пришло всего несколько русских, хотя всем были посланы специально отпечатанные и оформленные приглашительные билеты. На вечер были приглашены все авторы, которые имеют переводы в издаваемой моей книге «Поэзия земли Ширак». Были приглашены поэты-переводчики из Еревана, Тбилиси. Мои переводческие работы были оценены губернатором Ширакской области Феликсом Цолакяном. С ним я в дальнейшем встретил-

ся в его кабинете, и он обещал участвовать в спонсорских расходах по изданию книги, которая впервые представляет два века ширакской поэзии и где собраны переводы 60 авторов региона, начиная с Аветика Исаакяна, Ованеса Шираза и до наших дней.

В конце расскажу о том, как поэзия и культура связывают людей. В моей книге я поместил 10 переводов своей давнейшей подруги Тани Оганнисян, погибшей во время землетрясения в Гюмри. Она была на самом деле талантлива, была сверхчеловеком и добра. После ее смерти одна из ее подруг, ереванских поэтесс, выразилась так: «Если бы в Лениакане во время землетрясения погиб хоть один человек, то этим человеком могла быть Таня». Так вот на сайте Стихи.ру одна из знакомых мне поэтесс поместила стихи о цветах, которые ей подарили. Я в рецензии написал ей, что примерно так думала и моя ленинканская подруга, поэтесса Таня Оганнисян, погибшая в 88 году. Эта русская женщина попросила послать ей перевод Тани, я послал. Она была восхищена. Попросила все мои переводы Таниной поэзии, переслала их своим подругам, и Таня буквально в течение 10 дней стала их любимицей. Узнав, что я уезжаю в Гюмри, эти женщины-поэтессы послали мне 20 долларов, чтоб я на эти деньги купил цветы и поставил от их имени на могилу милой Танечки. Я выполнил их просьбу и прочитал на могиле Тани ее перевод, как просили ее новые подруги:

ЦВЕТЫ

Цветы имеют запахи, — Не делай этого — Не дари мне цветы... Я не забуду их аромат...

Дороги имеют знаки — Не таскай меня с собой по дорогам:

Я навсегда запомню Знаки, печати, следы ног И возвращусь по этим знакам, Когда ты оставишь меня...

Не держи мою руку так крепко, Не согревай ее в

своей ладони, Когда согреются руки

одна в другой, Я не смогу забыть это,

Подниму вой, вспомню тепло

твоей ладони В свои холодные сумрачные дни...

Ты, мое сердечко, не прыгай рядом со мной

По горам и ущельям, по небу и солнцу,

По настезь раскрытым долинам

И везде... Не прогуливайся со мной

так щедро, С открытым сердцем,

бесшабашно, без расчета, бесплатно, —

Не балуй меня так, Не дари мне так много

Разнузданного мира: Я не умею забывать,

Я не умею никогда забывать...

Я вдруг никогда не отпущу твою руку,

Я вдруг буду всегда просить цветы,

Я вдруг топну ногой об землю И скажу:

— Вот это наша дорога, а вот следы наших ног...

Я вдруг, мой друг, Поташу тебя навсегда

По раскиданному долинам, По небу и солнцу...

И никогда не возвращусь Обратной одинокой,

Никогда Не возвращусь назад одинокой...

Ара ГЕВОРКЯН, поэт, драматург